

Месяц назад, в тот самый миг, когда имя Ши Цзяня впервые сорвалось с губ ведущего церемонии «Оскар», в офисах R-Медиа всё еще горел свет.

Услышав от помощника имя «Ши Цзянь» и мгновенно осознав, о ком именно идет речь, Чу Хуан лишь на мгновение приподняла свои длинные, изящно выгнутые брови.

Ей потребовалась всего одна секунда, чтобы справиться с мимолетным раздражением, и еще две – чтобы бегло изучить главные заголовки новостей. Уже в следующую минуту вся её колоссальная империя, R-Медиа, пришла в стремительное движение.

Отдел брендинга и департамент по связям с общественностью начали действовать синхронно, словно один отлаженный механизм. Все официальные аккаунты R-Медиа в едином порыве опубликовали следующее сообщение:

[Ши Цзянь получил «Оскар» за лучшую мужскую роль. Вершина мастерства метода погружения.]

Эта тема в одно мгновение захватила весь интернет, вызвав небывалый резонанс.

На главной странице официального сайта компании и во всех социальных сетях незаметно, но эффектно появился огромный баннер, посвященный фильму «Безымянная птица», с яркой, приковывающей взгляд надписью: «Рождение совершенного актерского мастерства».

Телефоны отдела по работе с артистами буквально разрывались от непрекращающихся звонков. Предложения от люксовых брендов, крупнейших продюсерских компаний и самых влиятельных модных журналов сыпались одно за другим – каждый стремился урвать свой кусок пирога от ошеломительного успеха Ши Цзяня.

В одно мгновение вся структура R-Медиа превратилась в непроницаемую железную сеть, которая под жестким руководством Чу Хуан работала с предельной эффективностью, без малейших колебаний или заминок.

Ей даже не потребовалось связываться с Ши Цзянем напрямую – она уже выстроила детальный, выверенный до мелочей план внутри компании.

Чу Хуан прекрасно осознавала, какие тектонические сдвиги ждут Ши Цзяня. До этого момента он был лишь маленькой, певчей птичкой, которую Чу Юнь держал в золотой клетке для собственного развлечения, но теперь, в одночасье, его собирались швырнуть в самый эпицентр яростного шторма всеобщей популярности.

Приказы о кадровых перестановках спускались один за другим, и личное дело Ши Цзяня было в экстренном порядке изъято из компании Синхань.

На самой вершине списка горячих тем хэштег #ШиЦзяньПолучилОскар был отмечен ярко-красным значком «Взрыв», сигнализирующим о запредельном интересе публики.

Крупнейшие киноиздания в своих статьях заявляли, что он «дал новое определение великому актерскому искусству».

«Актерская игра Ши Цзяня превзошла саму себя. Это истинное жертвоприношение души и абсолютная вершина художественного мастерства. Ли Фань действительно обладает самым острым взглядом и безупречным художественным чутьем – они идеально дополнили друг друга».

Впрочем, попадались и крайне язвительные, желчные заголовки: «Является ли психическое здоровье актера той ценой, которую приходится платить за успех?». Подобные статьи раскрывали закулисные подробности, открыто обвиняя съемочную группу «Безымянной птицы» в преступном пренебрежении ментальным состоянием артиста.

«Восхваление подобной игры – это не что иное, как поощрение саморазрушительного искусства».

«Метод игры Ши Цзяня безответственен. Экстремальное погружение в роль может привести к диссоциативному расстройству личности или тяжелому нарушению самовосприятия. Это нужно немедленно прекратить!»

«Такой способ съемок – это аморальная эксплуатация, которую ни в коем случае нельзя поощрять и оправдывать результатом».

В сети стремительно сформировались два непримиримых, враждующих лагеря.

Однако для Чу Хуан это ожесточенное противостояние топовых СМИ было сродни золотой пыли, щедро сыплющейся с небес.

На почту непрерывно приходили заманчивые предложения о рекламных контрактах от ведущих мировых брендов, а все каналы связи в R-Медиа были постоянно заняты.

Первое появление галереи «Наследие» действительно стало для Чу Хуан лишь осторожной пробой пера.

Все приготовления шли своим чередом, подчиняясь четкой, математически выверенной работе мозга Чу Хуан.

Единственной брешью в этом безупречном плане оставался её своенравный и непредсказуемый младший брат.

- Количество упоминаний Ши Цзяня в международных новостях выросло на четыре миллиона восемьсот тысяч, а конверсия по ключевым словам брендов увеличилась на семь целых и девять десятых процента, - доложили ей. - R-Медиа в связке с галереей «Наследие» продвигает его как лицо «Арт-сезона Чэньхуа» на международном уровне. Это самый надежный способ конвертации его потенциала.

- Спасибо, сестра, но, к сожалению, моему человеку не нужна такая «конвертация», - раздался ответ.

В пять часов утра в кабинет Чу Хуан постучала её помощница Сун Ичжоу.

- С молодым господином нет связи, - тихо произнесла она.

- Вы организовали для Ши Цзяня интервью в R-Медиа, но, возможно... - Сун Ичжоу протянула планшет. - Молодой господин уехал ночью, забрав его с собой. Сейчас геолокация показывает... они в Генте.

Чу Хуан вкладывала все свои силы и ресурсы, выверяя каждую секунду будущего Ши Цзяня. Её не смогли остановить даже самые свирепые конкуренты, но собственный младший брат умудрился нанести ей удар в спину.

Теперь, когда он хлебнул горя, то, вероятно, наконец понял свою ошибку.

Этот паршивец, который вечно любит идти наперекор всему и всем.

[Раскрыто прошлое обладателя «Оскара» Ши Цзяня: таинственный дебют – настоящий талант или результат жесткого продвижения капиталом?]

Спустя всего одну ночь после их возвращения из Гента на социальные сети обрушился яростный поток негатива.

«Актер восемнадцатого эшелона, о котором никто и слыхом не слышал, за одну ночь взлетел на самую вершину. Не слишком ли глубоко здесь зарыто влияние денег?»

«Неужели даже «Оскар» не смог избежать грязного влияния капитала?»

Хрясь!

Хрустальная пепельница с оглушительным звоном разлетелась вдребезги о экран монитора, оставив на нем причудливую паутину трещин. Изображение на дисплее тут же начало искажаться, подергиваясь резкими цветными помехами.

Ли Чжися тут же замолчал, затаив дыхание.

- Сестра вернулась?

Чу Юнь сидел в полурасстегнутом халате, его длинные черные волосы небрежно спадали на плечи. В полумраке комнаты его лицо казалось пугающим, то исчезая, то вновь проявляясь в холодном, рваном мерцании сломанного экрана.

Ли Чжися поспешно ответил:

- Помощница Сун только что подтвердила: завтра в десять утра, в конференц-зале Чэньхуа...

Чу Юнь одним глотком осушил бокал красного вина, и несколько тяжелых капель напитка потекли по его подбородку, пачкая бледную кожу груди.

- Чжися, - мягко, почти ласково позвал он. - Как ты думаешь, похоже ли, что я смогу ждать до десяти утра завтрашнего дня?

У Ли Чжися похолодело в затылке, но он был вынужден ответить:

- Молодой господин, рейс из Парижа... самолет не может лететь быстрее...

Даже молодой господин Чу не обладал властью приказывать самолетам нарушать законы физики.

На следующий день, десять утра.

Конференц-зал корпорации Чэньхуа -

Чу Юнь сидел с таким видом вызывающей роскоши, что совершенно не вписывался в строгую, стерильную обстановку конференц-зала, выглядя при этом бесконечно далеким и недоступным.

Звукоизоляционные двери медленно закрылись, полностью отрезав их от внешнего шума.

Свет проектора падал на длинный стол для совещаний, отбрасывая на лицо Чу Юня мрачные, неясные тени.

Чу Хуан подняла руку, давая знак, и Сун Ичжоу тут же склонилась вперед.

Она открыла планшет и спокойным, деловым тоном начала:

- Основываясь на детальном анализе рынка, проведенном командой R-Медиа, корпорации Чэньхуа сейчас жизненно необходим ключевой представитель бренда, который мог бы идеально воплотить в себе синтез молодости, высокого искусства и коммерческого успеха...

На экране тут же появилось изображение Ши Цзяня, торжественно держащего статуэтку «Оскара», а под его холодным, пронзительным взглядом сменялись данные о невероятной популярности, о которой трубили все мировые СМИ.

- Новый обладатель «Оскара», господин Ши Цзянь.

Присутствующие были готовы к этому и хранили молчание, слушая, как Сун Ичжоу в течение двадцати минут без умолку рассуждала о том, как воспользоваться этой уникальной возможностью и максимизировать прибыль.

В конце она подытожила:

- Коммерческая ценность Ши Цзяня на данный момент заключается не только в индустрии развлечений; она способна охватить все отрасли, находящиеся под эгидой Чэньхуа.

Лицо Чу Юня в холодном свете ламп стало еще более мрачным.

Сун Ичжоу закончила выступление и бесшумно отошла за спину Чу Хуан.

Вокруг длинного стола лишь у Чу Юня оставалось холодное, неприступное лицо.

Он крепко сжал в пальцах карандаш, бессознательно рисуя что-то резкое на бумаге.

Ши Цзянь, застрявший в яростном водовороте общественного мнения, отчаянно нуждался в защите корпорации Чэньхуа - Чу Юнь это прекрасно понимал, и потому знал, что у него нет права торговаться.

Но решение Чу Хуан сделать Ши Цзяня центром всей коммерческой стратегии все равно вызывало у него крайнее, почти физическое раздражение.

Человека, который должен был принадлежать только ему одному, Чу Хуан безжалостно вытолкнула под ослепляющий свет прожекторов, бросив на растерзание жадной публике, чтобы его оценивали, взвешивали и делили на части ради прибыли...

Он холодно, с едва заметным презрением усмехнулся.

Эти жадные, ослепленные наживой люди вознамерились превратить его человека в своего рода трофей, в предмет для публичного обсуждения и бесконечных пересудов.

Внутри всё скрутило от острого, почти физического отвращения: ему казалось, будто его драгоценное произведение искусства, которое он так бережно и долго хранил в тайне, внезапно выставили на открытый аукцион, позволяя случайным незнакомцам бесцеремонно касаться его грязными пальцами.

При одной лишь мысли о том, что лицо, которое должно принадлежать исключительно ему, будет жадно облизывать бесчисленное множество чужих взглядов, а тело станет темой для вульгарных сплетен, он ощутил прилив невыразимого, обжигающего гнева.

Он до глубины души ненавидел это гнетущее чувство потери контроля, ненавидел саму необходимость делиться тем, что считал своим, и еще больше ненавидел то, что сейчас был вынужден склонить голову, ощущая подступающую к горлу тошноту.

Чу Хуан перевела на него свой спокойный, пронизательный взгляд:

- Чу Юнь, что ты об этом думаешь?

В комнате мгновенно воцарилась гнетущая тишина; все присутствующие, затаив дыхание, устремили свои взгляды на него.

Чу Юнь ответил ледяной, почти безжизненной улыбкой:

- Сестра, не кажется ли тебе, что использовать человека, только что получившего «Оскар», в качестве инструмента для маркетинга бренда – это слишком недальновидная, примитивная коммерческая спекуляция? Использовать «искусство» как обычную приманку... спрашивать об этом меня – не является ли это своего рода насмешкой?

Чу Хуан ответила с неизменным спокойствием:

- Искусство и коммерция всегда дополняли друг друга, создавая необходимый баланс.

Чу Юнь язвительно хмыкнул:

- Если сестра так в этом уверена, то, разумеется, это прекрасно. Только вот мне крайне любопытно, как корпорация поступит с этим так называемым «ядром бренда», когда первая волна шумихи утихнет, а его «молодое искусство» выйдет из моды?

Его тон был ледяным, взгляд – острым, как бритва, а улыбка, застывшая в уголках губ, казалась колючей и опасной.

Чу Хуан лишь слегка приподняла брови, не теряя самообладания:

- Решение этих вопросов находится в компетенции R-Медиа.

- Вот оно как, – Чу Юнь снова усмехнулся. – В таком случае надеюсь, что, инвестируя в это «произведение искусства», сестра хотя бы задумается о расходах на его содержание. Он еще даже не сошел с гребня волны, а его уже насильно толкают на самую вершину – не является ли такая спешка «погоней за недостижимым»?

Недальновидность, коммерческая спекуляция, погоня за недостижимым...

Поразительно, насколько он смел в своих высказываниях...

Все присутствующие в зале поспешно опустили головы, с нарочитым усердием изучая документы перед собой, боясь даже случайно оказаться втянутыми в этот блеск клинков, вспыхнувший между сестрой и братом.

Их искренне удивляло, что молодой господин, который прежде никогда не вмешивался в дела

компании, вдруг начал столь яростно атаковать коммерческое предложение. В памяти всплывали его прежние скандальные похождения, и они смутно не знали, как теперь к этому относиться.

Двери распахнулись в самый подходящий, почти театральный момент.

Все, увидев вошедшего, синхронно вздрогнули и поспешно поднялись со своих мест, склонившись в глубоком почтении.

Чу Мянью небрежно махнул рукой, призывая всех продолжать, и, не глядя ни на кого, направился в угол, чтобы занять свободное место.

По протоколу он не должен был присутствовать на подобном совещании и не проронил ни слова, просто тихо сидел в стороне. Однако само его присутствие создавало незримое, почти осязаемое давление, отчего атмосфера в зале стала еще тяжелее и напряженнее.

Лишь Чу Хуан осталась совершенно невозмутимой, сохранив свое ледяное спокойствие.

Чу Юнь, завидев старшего брата, хотя внешне и продолжал оставаться холодным и резким, бессознательно начал нервно крутить в пальцах карандаш, а его брови сдвинулись еще сильнее, образуя глубокую складку.

Чу Мянью перевел взгляд на пальцы Чу Юня, а через мгновение, едва заметно приподняв бровь, посмотрел на Чу Хуан, восседавшую во главе стола.

Теперь даже Чу Хуан не могла более игнорировать этот взгляд. Она медленно повернула свое кресло в сторону брата и произнесла, обращаясь к Чу Юню:

- Я лично решу этот вопрос.

Это короткое обещание заставило напряженные, сжатые пальцы Чу Юня невольно расслабиться.

Совещание было официально завершено.

Чу Хуан подняла глаза на старшего брата:

- Господин Чу, есть ли у вас какие-то наставления для нас?

Ее тон оставался спокойным и отстраненным, а выражение лица напоминало застывшую, идеально гладкую поверхность воды.

Чу Мянью ответил сухо и лаконично:

- В тех вопросах, в которых ты сильна, нет необходимости спрашивать моего мнения.

Директора, словно только что получившие долгожданное помилование, поспешно и почти в один голос покинули зал.

- Поужинаем сегодня вечером вместе, - негромко произнес Чу Мянью.

Чу Хуан, даже не обернувшись, спросила:

- Ичжоу, есть ли в моем сегодняшнем графике свободное время для господина Чу?

Сун Ичжоу покорно опустила глаза:

- Прошу прощения, госпожа Чу, но до самой полуночи у вас нет ни единой свободной минуты личного времени.

Похоже, господин Чу крайне редко встречал гостей, которым требовалось заранее записываться к нему на прием; от этого одна его бровь едва заметно дернулась.

Чу Хуан уже подошла к нему и, проходя мимо, обдала его тонким, холодным ароматом своих духов:

- Прошу прощения.

Цзян Кэянь слегка поклонился, почтительно провожая её взглядом.

- А ты? - Чу Мянью тоже поднялся со своего места. - Тоже так занят?

Чу Юнь, небрежно засунув карандаш в карман, неспешно подошел к ним.

- Старший брат, - нехотя, с легким оттенком недовольства произнес он.

Чу Мянью поднял руку и поправил раздражающе сверкавшее на ключицах Чу Юня ожерелье, которое выглядело слишком вызывающе.

Холодным, властным голосом он произнес:

- Это всего лишь мелочи. Не стоит спорить с сестрой.

Чу Юнь недовольно цыкнул и нарочито снова перекошил бриллиантовое ожерелье:

- Если бы ты мог помочь мне хоть немного приструнить её, разве дело дошло бы до такого?

Очевидно, он в очередной раз продемонстрировал полное непонимание авангардной моды.

- А-Юнь, - Чу Мянью бросил короткий взгляд на свои часы. - Если я действительно решу начать «приструнить», то кого из вас двоих мне следует воспитывать в первую очередь?

Чу Юнь буквально подавился словами, не успев вымолвить ни одного возражения.

Цзян Кэянь вовремя и тактично вмешался:

- Господин Чу, машина подана.

Он отошел к дверям, терпеливо ожидая их выхода.

- То, что Ши Цзянь смог получить эту награду, стало неожиданностью для всех нас, - Чу Мянью

вышел за дверь и, обернувшись, добавил: – Не будь таким мелочным.

Он ушел, но за его спиной всё еще слышался холодный, капризный смех.

– Где мне носить мое ожерелье – это не дело кого-либо еще!

Цзян Кэянь попытался что-то сказать:

– Господин Чу...

– Оставь его, – голос Чу Мянэ окончательно растворился в пустом пространстве лифтового холла.

<http://bllate.org/book/17941/1720612>